

АЛЕКСАНДР БИКБОВ

Москва/Париж: пространственные структуры и телесные схемы

Город как это и как различие

Прибывающий в Париж москвич оказывается захвачен ощущением спокойствия и одомашненности городского пространства. «Самое домашнее ощущение из всех городов – от Парижа... Потому что приятное разнообразие, спокойствие – и на Елисейских полях, и на Жоресе [улица на севере Парижа, в одном из непрестижных кварталов – А. Б.] – и какое-то уместное сочетание линий, цветов...»¹; «Приехала в Париж, и сразу чувствуешь себя в другом месте. Здесь жизнь течет как-то спокойнее, медленнее, чем в Москве, и нет чувства опасности на улице. Сама сразу становишься внутренне спокойной, расслабляешься»². В свою очередь, парижанин, побывавший в Москве, характеризует город, пользуясь эпитетами «быстрота», «простор», «энергия». «Наверно, это прозвучит банально, но не перестаю удивляться энергии этого города: постоянное движение, на улицах даже в разгар дня полно людей, все куда-то спешат, все время переменяются»³; «Вы сильные, молодые, полные энергией. Москва – очень энергичный город, Вы многое сможете!..»⁴ Длительность пребывания и

¹ Житель юго-западной окраины Москвы, 25 лет, высшее образование, аспирант-медик; ко времени беседы посетил ряд европейских столиц и крупных городов, каждый раз – не дольше двух недель; не говорит по-французски.

² Жительница запада Подмосковья, 24 года, высшее образование, аспирантка-гуманитарий; ко времени беседы два года прожила в Париже в рамках учебной программы; свободно владеет французским.

³ Житель коммуны на юге парижской агломерации, 34 года, высшее образование; ко времени беседы на неделю приехал в Москву после годичного отсутствия, перед этим три года прожил в Москве, работая преподавателем; свободно владеет русским.

⁴ Жительница центра Парижа, 73 года, высшее образование, психоаналитик; совершила двухнедельную туристическую поездку в Москву и Санкт-Петербург за три года до времени беседы; не говорит по-русски.

языковая компетентность (по крайней мере, для собеседников с высшим образованием) не являются решающими в этом зеркальном восприятии двух городов. Ощущение спокойствия/энергии проникает в тело помимо дискурсивных обменов и при случае реактивируется, опровергая даже сложившуюся за два-три года привычку к новому месту обитания. Оба эти города, как и любое надолго присвоенное место, в свою очередь присваивают тела своих обитателей и формируют в них специфические навыки овладения пространством и естественный порядок его восприятия, которые становятся инерционной системой отсчета, порождающей спонтанные различия на уровне чувства уместности/неудобства, спокойствия/бурления, комфорта/тревоги и т. д. Именно это «естественное» устройство города, воплощенное одновременно в структурах городского пространства и в телесных схемах его обитателей, будет интересовать нас в первую очередь.

Исследование тонкой и безмолвной связи между двумя инстанциями — пространственным телом города и индивидуальным телом его обитателя — требует своей осторожности. Во-первых, оно неизбежно сталкивается с той или иной формой дискурса, без которой любая регистрация физических данных оказывается лишь формализованной неопределенностью и восполнить которую может только другая неопределенность, произвол интерпретации. Идеология протокольных суждений настолько же несоразмерна анализу дорефлексивного присвоения городского пространства, насколько анализу научного знания — в любом объекте есть зона, доступная только извне. Однако основная проблема состоит даже не в этом. Москва и Париж подробно каталогизированы, представлены в огромном разнообразии дискурсов, среди которых не последнее место занимают научные. Обозначить себя на письме темой «Москва/Париж» — значит столкнуться с действующим фронтом публикаций: сложившихся определений и способов описания городов вообще и этих городов в частности. Имея это в виду и намереваясь не повторить уже сказанное, но, вместе с тем, не рассчитывая разместить себя в отношении всего множества легитимных способов тематизации города, мы с самого начала избрали стратегию, приближающуюся к сознательному примитивизму «первого человека». Мы отказались от книжного знания о городе, отдав предпочтение дискурсу непосредственного наблюдения, который воспроизводит — с большим или меньшим смещением в сторону обыденной мифологии — события в режиме «здесь и теперь». Собственные наблюдения и заметки, которые составили каркас статьи, оправдывают свое преимущество перед нервными отсылками к валу уже написанных работ хотя бы тем, что областью исследования выступает пространственная организация двух городов, данная обыденному восприятию, а не механизмы производства дискурса об этих городах.

Во-вторых, такое исследование нуждается в осторожном подходе, поскольку постоянно балансирует между крайностями в пределе бесконеч-

ного перечня мест и событий (путевые заметки) и политнаучной схематизацией а priori, которая сразу укорачивает эту цепь перечислений, но вовсе не гарантирует познавательного эффекта в месте ее разрыва. Впрочем, эти крайности не специфичны для нашего предмета, и стремление урегулировать напряжения между ними является самостоятельным источником научного метода. Специфика, определяемая нашим предметом, заключается в постоянной подвижности самих критериев отбора мест и событий для их обработки. Крайне трудно описать производимый целым городом и при этом социально дифференцированный набор привычек, встроенных в пространство, и верований, управляющих телом, не утонув в монотонных трюизмах. И, вместе с тем, сосредоточившись на компактном объекте, легко утратить общую перспективу, столь осязаемую в режиме личного присутствия и непосредственного опыта обживания, превратив городское пространство в не более чем метонимию узконаправленного социального анализа. Предпринятое соотнесение Москва/Париж предполагает не сравнительное исследование объективистского толка, когда городское пространство редуцируется до архитектурных описаний или истории мест, и не заметки о впечатлениях, а объективацию собственного опыта, когда перемещение из одного города в другой нарушает непрерывность обыденного восприятия.

По прибытии в другой город, вернее, при размещении в иначе упорядоченном пространстве, возникает множество поводов для удивления, восторга или шока. Со временем эффект нарушенной привычности ослабевает, т. к., связанное повседневными заботами и впечатлениями, тело переориентируется и осаждается привычками в новом пространстве. Нужно заново учиться покупать хлеб, улыбаясь при этом продавцам, перестраивать схемы общения в разговоре с персоналом книжных магазинов и кафе, узнавать маршрут у прохожих, которые вовсе не разделяют чувства непривычного и объясняют расположение объектов, взятых нами из книг и чужих рассказов, как нечто само собой разумеющееся. Для них *это* было и остается их городом, обжитым и привычным пространством, даже если в действительности многое в нем меняется. Все изменения вписываются в знакомый порядок либо заставляют признать себя фактом неизбежного присутствия здесь и теперь в не ограниченной по длительности перспективе. Физическое соседство тела с тем или иным объектом, его вынужденное включение в актуальную пространственную организацию, вкупе с предвосхищающим чувством «моего города» в отношении всего, что может появиться и произойти в рамках его рутинного порядка, делает любое новшество не таким заметным для постоянного жителя. Некоторое время спустя место обитания формирует вполне адекватные, по крайней мере, приемлемые схемы и в теле вновь прибывшего, и тот утрачивает точный и точечный язык прежнего опыта, все более полно разделяя «естественный» взгляд на город как на *это*. Но сами первые опыты, а точ-

нее, эффекты перехода – нарушения и нормализации обыденного восприятия – которые сопровождают обживание другого города, позволяют проблематизировать привычный порядок и, тем самым, вскрыть невидимые (вернее, актуализирующиеся лишь в этот момент) различия между двумя пространствами. Этот опыт дает шанс перейти от эссенциалистского взгляда на всегда «мой город» к реляционному взгляду на структуру городского пространства, которое производит наши телесные схемы и удерживает в себе силой «естественности» обыденного восприятия.

При сделанных оговорках и предосторожностях настоящий текст остается лишь предварительным и частичным наброском, доступным в одной из частных перспектив. С иной точки зрения и в иной комбинации наблюдений конкретная картина была бы иной. Однако в этом наброске мы попытались восстановить ряд основополагающих черт пространственной организации двух городов, дополнив систематическими наблюдениями личный опыт перехода от одного пространства к другому и ту проблематизацию привычного восприятия города, которую он породил. Подобный анализ, на микроуровне вскрывающий сцепление города и тела, не опровергает данных макросоциологического взгляда и нередко обнаруживает инварианты тех же социальных структур. Контекстом, универсализирующим нашу перспективу, служит ряд социологических работ (прежде всего, французских исследователей), которые описывают физическое пространство города как систему объективированных социальных различий⁵. Помнить о том, что за материальными формами Москвы и Парижа скрывается социальное пространство *sui generis* – значит обеспечить связь между чистой морфологией и порождающей грамматикой города

Уют/простор, спокойно/энергично: объективированный социальный порядок

Привычное к утомительным транспортным перемещениям тело москвича обретает в Париже комфорт легкодоступности. «Всё рядом» обыден-

⁵ В качестве показательных можно упомянуть следующие работы: Бурдьё П. Физическое и социальное пространства: проникновение и присвоение // Бурдьё П. Социология политики / Пер. с фр. под ред. Н. А. Шматко. М.: Socio-Logos. 1993; Pinzon M., Pinzon-Charlot M. Dans les beaux quartiers. Paris: Seuil, 1989; Хальбвакс М. Планы расширения и благоустройства Парижа до XIX века // Хальбвакс М. Социальные классы и морфология / Пер. с фр. под ред. А. Т. Бикбова. М: Институт экспериментальной социологии–СПб: Алетейя, 2000; Бурдьё П. Практический смысл / Пер. с фр. под ред. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии–Алетейя, 2001. Приложение: Дом, или Перевернутый мир; Blum A. Changer la ville, changer l'homme // Moscou 1918-1941. De «l'homme nouveau» au bonheur totalitaire / Dir. par C. Gousseff. Paris: Editions Autrement, 1993. Кроме того, я благодарен Яну Даре, Оливье Легийю, Иву Лошару и Женевиьев Буэ-Шеман за беседы, которые во многом прояснили картину обыденного восприятия Парижа его обитателями.

ного восприятия определяется не только меньшими расстояниями между основными центрами потребления, но и специализацией подпространств в пределах исторического центра города: улицы дорогих и оптовых магазинов, кварталы театров и дешевых кинозалов, средоточие азиатских ресторанов и шикарных кафе, дорогие торговые центры и дешевые супермаркеты... Эта специализация во многом определяется социальной дифференциацией округов (одновременно отражая и формируя ее), поддерживая их «естественную атмосферу» как значимыми пространственно-функциональными различиями, так и тонкими, но оттого не менее действенными средствами⁶.

Внутреннее пространство заведений (кафе, церквей, магазинов) и пространство улицы, на которой они расположены, оказывается упорядочено схожим образом. Усилия по соединению в одном месте разнородных элементов, которые в своей совокупности соразмерны социальному положению их потребителей, материализуют пространство *стилей*, т. е. привязывают распределения социальных свойств к местам в физическом пространстве. Например, рестораны дифференцируют клиентов не только по уровню их достатка и вкусовым предпочтениям, но и по формам общения и социальным связям, в целом, делая не слишком комфортным обед в одиночестве. В ресторане редко предусмотрено больше одного одиночного столика, чаще всего он поставлен в углу, и одинокий посетитель лишается уюта не только из-за своего расположения, но и из-за нехватки беседующей компании, в которой проходит обед у остальных клиентов и для которой предназначен своеобразный, центрированный на общении, уют заведения. Он старается закончить обед поскорее и, в поисках более комфортного места для одного, перемещается на террасы кафе, в рестораны быстрого питания, столовые самообслуживания и кафетерии при крупных магазинах с их анонимным конвейером клиентов. Избавление от некомфортного уюта и поиск соответствия своему положе-

⁶ Вот, например как используются эти средства в случае нескольких сетей недорогих супермаркетов, которые охватывают все городское пространство: в бедных кварталах преобладают супермаркеты низших ценовых категорий (Ed, Super U), а в магазинах общедоступных сетей, которые действуют также и в престижных кварталах (Monoprix, Franprix), меньше заботятся о чистоте помещений и порядке на полках; с целью игры на престиж в «хороших» кварталах сеть недорогих магазинов может существовать в виде двух подсетей с разными названиями (Monoprix, Inno), различающимся ассортиментом и ценами — одна попроще, другая посolidнее; в супермаркетах одной и той же сети в буржуазных кварталах работают преимущественно белые, а в эмигрантских — черные кассирши; при равенстве цен на одни и те же товары в супермаркетах единой сети, ассортимент в разных кварталах может различаться — в пользу большего разнообразия и наличия более тяжелых ценовых категорий в богатых буржуазных кварталах. Точно так же, состоятельный покупатель будет скрывать, что делал свои покупки в сети «слишком» дешевых магазинов (Tati), а молодой черный житель окраин проникнет в большой парфюмерный магазин в центре города (Serphoга), лишь смешавшись с вечерней толпой туристов.

нию приводит малообеспеченного или одинокого туриста, холостяка или лишенного компании посетителя к самоклассификации и размещению себя в заранее предусмотренных для его положения местах. Тело москвича, осваивающее Париж, попадает в общий механизм пространственных распределений: после ряда проб и спонтанных оценок визитер обретает пристрастия к одним местам и невольно огибает в своих ежедневных маршрутах другие. Так, парижане нечасто прогуливаются по Елисейским полям — «слишком» туристической улице города. Москвич, приехавший в Париж, обычно посещает их вместе с пестрой толпой туристов в первую неделю, наряду с Лувром и Эйфелевой башней. Однако, обживая город, оставаясь в Париже дольше обычных туристических полтора-двух недель, он тоже начинает избегать Елисейских полей, в т. ч. из нежелания столкнуться с обилием состоятельных, «слишком» туристически и вульгарно потребительски настроенных соотечественников. Различающиеся по уровню доходов, культурным предпочтениям, обыденным вкусам социальные позиции «естественным образом» вписываются в соответствующие им, плотно стилизованные подпространства.

Городское пространство Москвы не так четко дифференцирует телесные схемы. Если спокойствие и компактность Парижа в обыденном восприятии — продукт экономии физических перемещений в пользу социальной однородности, то энергичность и простор Москвы — эффект более слабой сопряженности социальных свойств и физических мест. Несмотря на производящую все новые пространственные эффекты социальную дифференциацию, сегодня Москва требует от представителей различных социальных позиций более длительных перемещений и самостоятельных, пространственно не гарантированных инвестиций в соответствующий позиции стиль. Нечеткая дифференцированность городского пространства является обыденному восприятию в соседстве разных классов жилых зданий (образцовый пример — жилищный комплекс Газпрома в районе массовой застройки в Новых Черемушках); смешении жизненных стилей и социальных типов как в престижном центре, так и на спальных окраинах; слабой функциональной специализации центральных улиц (которые являются местом одновременно дорогих магазинов, правительственных учреждений, коммунальных жилищ, круглосуточных спиртных ларьков); одинаковой недоступности кафе для малообеспеченных обитателей в разных районах (сегодня различия между московскими кафе укладываются в пределы достатка выше среднего и сводятся к разнице между заведениями для публики обеспеченной и состоятельной)⁷.

⁷ Слабая дифференциация пространства отчасти объясняется жилищной политикой раннесоветского периода. Городская сегрегация была смягчена в ходе уплотнений и переселений. Впоследствии она была отчасти восстановлена через дифференциацию новых центральных улиц-магистралей (Тверская, бывш. Калининский пр., Ленинский пр., Ку-

В качестве примера слабой пространственной дифференциации можно обратиться к одному из источников «энергичности» обыденного ритма, городским оптовым рынкам. Отличие Москвы от Парижа состоит не в том, что недорогие товары на московских оптовых рынках приобретают не только малообеспеченные, но и состоятельные категории обитателей — обилие недорогих супермаркетов в буржуазных кварталах Парижа социально сближает эти два места. Одно из отличий состоит в форме продажи, которая подчеркивает принцип слепого потребления, нейтрализуя магию четкой классификации магазинных полок и блокируя легкий и непосредственный доступ к товару и его этикетке. В общем пространстве рынка смешиваются продовольствие, одежда, электротехника, точно так же, как в витрине одной палатки лишь отчасти соблюдается порядок родо-видовых соответствий. Но еще большая разница заключена в ассортименте, который в Москве функционально не отделяет рынок от магазина — в большинстве случаев, просто еще одного места продажи тех же товаров, отличающихся лишь ценовой надбавкой. Сходство основного ассортимента оптового рынка и магазина заставляет увидеть, что товары российского производства, вне зависимости от места продажи, почти не дифференцируют своих потребителей, поскольку чаще всего принадлежат к низшему и среднему классу качества и цен. В Париже постоянно действующие продовольственные рынки или, чаще, рынки по выходным, превращаются в место встречи лицом к лицу с непосредственными производителями или поставщиками продукции. Так, в некоторых буржуазных кварталах регулярно организуются «деревенские» рынки, где горожане покупают у крестьян их сыры, выпечку, фрукты и овощи. Постоянно действующие в бедных кварталах арабские и негритянские продовольственные рынки, равно как магазинчики с дешевой электроникой и множеством дешевых принадлежностей быта, по своей организации сближаются с московскими оптовыми рынками. Однако они существенно ограничены в своих размерах, более четко упорядочены по классам

тузовский пр., Фрунзенская наб.) от рабочих окраин и спальных районов. Но в конце 1910-х–20-е гг. была заложена основа стилистической недифференцированности, которая по сей день обнаруживается в разнообразии обыденных форм и которая в 1928 г. позволила исследователю города Л. А. Велихову говорить о «стусеванной локальной [т. е. пространственной — А. Б.] дифференциации» населения. Основываясь на отчетах домовых комитетов, он указывал на существенное изменение в социальном составе «барских» домов Москвы и Ленинграда: 20% мелкобуржуазных семей, 38% служащих, 12% ремесленников, 9% фабричных рабочих. «Типичный облик прежних роскошных улиц с их нарядной, праздной толпой, та своеобразная печать, лежавшая на каждом из городских районов, которая отражала занятия, быт, одежду данного состава ее населения, растворилась в более или менее общей для всего города физиономии трудовой или деловой массы граждан без прежних ярких отличий во внешности и поведении» (Велихов Л. А. Основы городского хозяйства. М. -Л. : Госиздат, 1928. Гл. 16, § 1. Текст расположен по адресу: rels.obninsk.com/Cd/Sdc/free/edu/Lm/Sup01/1-2.htm).

товаров и — что принципиально — почти не совпадают по ассортименту с центральными магазинами, тем самым обозначая социальную позицию своих клиентов так же ясно, как свою собственную.

Если социальную недифференцированность подпространств в Москве можно во многом объяснить жилищной политикой раннесоветского периода, то схема распоряжения «пустым», т. е. не вполне освоенным пространством в черте города имеет более раннее происхождение. Речь идет о плотности и геометрии застройки, которая работает уже не на дифференциацию, но на единство всего городского пространства и на самом общем уровне обеспечивает интеграцию города как формы и представления. Одно из очевидных отличий Москвы от Парижа, как и от прочих городов, реализованных по европейской схеме (включая Санкт-Петербург) — это расстояние *между* зданиями: большое, соизмеримое с самими зданиями⁸. То, что по контрасту воспринимается парижанами, приезжающими в Москву, как широта и простор, является объективированным отличием в присвоении функциональной и рентабельной застройкой исходно не-городского пространства. В современной пространственной организации Москвы, допускающей неиспользуемые пустыри, ломаную линию застройки, обширные скверы, стихийные свалки и блокированные участки в жилой зоне, реализуется не столько план реконструкции 1930-х гг., сколько исторические формы присвоения пространства, наследующие усадебной организации, с неизменными огородами и палисадниками, подсобными участками и фрагментами «нетронутого» ландшафта, законсервированного в обжитом пространстве⁹. Перестройка города, начатая в 1930-х, с заложенным в ней имплицитным определением

⁸ Примечательно, что М. Вебер, указывая на родовые характеристики города (а по сути, европейской схемы городской организации), одной первых назвал: «дома тесно — а сегодня, как правило, стена к стене — примыкают друг к другу» (*Вебер М. Город /Пер. с нем. М. И. Левинной// Вебер М. Избранное. Образ общества. М. : Юрист, 1994. С. 309*).

⁹ Картину «глуши довольно изрядной», какую представляла собой Москва в XVII в., восторженно рисует автор историко-популярного труда конца XIX в. (Издание 1893 г.): повсеместные и необходимые сады (в отсутствие дач окружавшие частные дома), пустыри, рвы, болота, овраги и целые рощи, куда ходили за ягодами и орехами (*Кондратьев И. К. Седая старина Москвы. М. : Военное издательство, 1996. С. 29-30*). Более реалистичное и хронологически близкое (начало 1930-х) описание дает В. А. Гиляровский: «Где же палисадники? А ведь они были год назад. Были они щегольские, с клумбами дорогих цветов, с дорожками. В такие имели доступ только богатые, занимавшие самую дорогую квартиру. Но таких садики было мало. Большинство этих загороженных четырехугольников, ни к чему съдавших полулицы, представляло собой пустыри, поросшие бурьяном и чертополохом» (*Гиляровский В. А. Москва и москвичи. М. : Московский рабочий, 1968. С. 367*). Эта картина, составляющая контраст европейскому городу с примыкающими друг к другу домами, объяснима, если принять в расчет позднее происхождение попыток препятствовать росту города. Если в Париже стремление зафиксировать городскую черту систематически воспроизводилось в королевских указах и запретах начиная с 1548 г. (*Хальбвакс М. Планы расширения и благоустройства Парижа, указ. соч., с. 210-217*), то первый проект ограничения роста Москвы был пред-

столичности — как преимущества грандиозности над компактностью — в высоком регистре воспроизвела заложенный еще в усадебной организации принцип. Стилистически монолитные и столичные *par excellence* Кутузовский и Ленинский проспекты, Фрунзенскую набережную и Калининский (а теперь и новые поселения, подобные «Алым парусам» или «Воробьевым горам»), при всех их различиях объединила черта, приближающая их по структуре к городской окраине, с ее разреженной застройкой. Объективируя мощь нового порядка, эти улицы материализовали ее в ущерб телесному комфорту: сверхинвестиции в количественные характеристики присвоенного пространства, несмотря на наличие инфраструктуры «под рукой», препятствуют использованию престижного квартала по буржуазной парижской схеме «как у себя дома»¹⁰.

Оба принципа — дифференциации и гомогенизации — порождают набор оппозиций, через которые отдельный район обретает набор отличительных черт и ими же возмещает городу своеобразие его пространства в целом. Одной из наиболее общих и основополагающих оппозиций в спонтанной характеристике города является оппозиция центра/окраин. В Париже различие между правым и левым берегом, на которые ссылается почти официальный туристический альбом или социологический текст¹¹ как на что-то естественное для обыденного восприятия парижанина, на деле не столь уж естественно. Его использование основано на исторической компетентности и/или знании специфических различий, которое определяется сферой престижного потребления. Если эта оппозиция и является чем-то естественным, она характеризует формы наиболее легитимного и глубокого присвоения городского пространства, вернее, присвоение этим пространством тела, плотно встроенного в его «естественный» порядок. На поверхностном же уровне обыденного восприятия, привязанная к его спонтанным реакциям, лежит оппозиция спокойного/спешащего, к которой примыкает оппозиция уютного/огромного. Отражая прежде всего формы присвоения пространства — ритм, дистанцию, соразмерность — обе они оказываются релевантны социальной оппозиции престижных районов (центра и северо-запада Парижа и Москвы)/непрестижных окраин.

В Париже правые полюса обеих оппозиций объединяют свойства буржуазных кварталов: тишина, быстрая достижимость («все рядом»), частные зоны с зелеными островками внутри. И даже если на центральных ули-

ложен только в марте 1918 г. и исходил из университетской среды (*Лала А.* Принципы управления крупнейшим городом // Проблемы теории и практики управления. № 2, 1997).

¹⁰ *Pinçon M., Pinçon-Charlot M.* Dans les beaux quartiers, op. cit., p. 41.

¹¹ *Splendeurs de Paris.* Paris: Molière, 1991 (с предисловием Ж. Ширака, в то время мэра Парижа); *Бурдьё П.* Физическое и социальное пространства, указ. соч., с. 36-37; *Пэнсон М., Пэнсон-Шарло М.* Культура господствующих классов: между знанием и достоянием /Пер. с фр. О. Е. Трущенко // Вопросы социологии. № 7, 1996. С. 114.

цах престижных районов — мельтешение толпы служащих и туристов, они сохраняют внутреннее спокойствие за счет архитектуры, которая образована сглаженными формами и размеренными нюансами, а также за счет осязаемого разнообразия в способах использования физического пространства. Например, на центральных улицах целый спектр уровней и приспособлений открыт для лапидарного отдыха: лавочки из различных материалов и разных форм, открытые террасы кафе, каменные тумбы, бордюры тротуара — чтобы сидеть; тумбы и ограничители для автомобилей разной высоты, высоко подвешенные мусорные бабки — чтобы ставить сумку или переключать вещи, вплоть до раскладки на них карты города; невысокие перегородки и стенки, металлические разделительные секции — чтобы стоять облокотившись. При том, в Париже сидеть на бордюрном камне и раскладывать карту на хромированной крышке урны *не стыдно*: отказ от активной вертикальной позы или соприкосновение с мусором не наделяет отрицательными социальными коннотациями, в отличие от Москвы, где, например, вид сидящего на бордюре «нормального» сорокалетнего мужчины дает сбой в рутинном течении обыденного восприятия. В московской пространственной организации подобное физическое снижение зарезервировано для категорий, так или иначе определяемых через социальную неполноценность: прежде всего, бомжей и пьяных, но также молодежи. Достоинство публичного поведения, неявно предписанное городским пространством Москвы, существенно ограничивает набор допустимых поз и жестов¹². В Париже телесно соразмерные физические пороги используются не только по их прямому назначению (прежде всего, в качестве разделителей функциональных пространств, например, проезжей/тротуара, чистого/грязного), но и для введения разрывов в непрерывное движение по предначертанным маршрутам, т. е. для дробления единого, делового и туристического, активно потребляемого пространства на локальные подпространства созерцательного отдыха.

Что касается левых полюсов оппозиций, они характеризуют не столько сами непрестижные окраины, сколько их дистанцию по отношению к центру: далеко добираться, переполненные вагоны метро и автострады, время, похищенное у досуга и оставляющее одновременно ощущение спешки и утраты; отчасти характеристика архитектуры окраин (опять же, по отношению к историческому центру) — новые многоквартирные, «ужасные», дома, разреженность объектов инфраструктуры¹³.

¹² Это объясняется жесткостью границы внешних/внутренних пространств, о чем см. в след. разделе.

¹³ Это то, что Бурдьё, характеризуя провинцию, удачно обозначил как «лишение столичности и капитала» (*П. Бурдьё. Социальное и физическое пространства*, указ. соч., с. 42). Непрестижные окраины — это, во многих отношениях (включая происхождение их обитателей), провинция внутри столицы.

Схема «как у себя дома», характерная для использования пространства престижного квартала, объясняется тем, что жизнь состоятельных семейств нередко замкнута в границах мест обитания: они не только живут, но и работают в этих кварталах или перемещаются по ним в деловом ритме¹⁴. Плотная, устойчивая, размеренная в силу своего положения среда, населяющая эти кварталы, объективирует свое социальное положение в изящном вкусе самих архитектурных форм, в обилии уютных садиков и газонов, в огромных зеркалах и ковровых дорожках, прекрасно видных сквозь стеклянные двери роскошных подъездов, в ухоженных оконных цветниках и плетне на стенах, чистых тентах над окнами верхних этажей, наконец, «естественном» отсутствии занавесок в темное время суток, когда взорам прохожих (непринужденно созерцаемых из этих окон) открываются интерьеры огромных комнат, подобранные со сдержанной роскошью: одна-две картины в тяжелых рамах, старинный шкаф благородным темным пятном на светлой стене, заново открытые или искусно имитированные темные потолочные балки, ажурный столик с тонкой отделкой, деревянный стул с высокой спинкой, потускневший от времени секретер с инкрустацией¹⁵. Тротуары источают слабый аромат отдушки, которую добавляют при их промывке. Здания, по основному силуэту приближающиеся к перевернутому бокалу, который нюансирован множеством выступов, немонотонных периодов, стеклом в камне и геометрическим декором, ускользящим от простых фигур, образуя улицу, дают многослойный профиль темно-желтого/светло-серого, камня/воздуха, уступов зданий/ухоженной зелени, протяженности/пустоты, где изначальная тяжесть строительного материала — материальная субстанция улиц — скрадывается и отсрочивается постоянным смягчением форм. Улица проникает внутрь квартир через их окна-витрины, а квартира захватывает улицу, одомашнивая это уже единожды присвоенное внешнее пространство, заново стилизуя и присваивая его на множестве уровней и, тем самым, производя с трудом разложимое на элементы, но оттого еще более полное ощущение утонченной однородности и спокойствия.

Однако элементы стиля спокойствия и состоятельности не ограничиваются престижными кварталами и внедряются в общегородское пространство. В менее престижных кварталах прослеживается та же схема архитектурных сглаживаний и скруглений. Господствующий вкус, гаранти-

¹⁴ Pinçon M., Pinçon-Charlot M. Dans les beaux quartiers, op. cit., p. 39-48.

¹⁵ Эта стратегия предъявления сдержанной, но от того не менее очевидной роскоши индивидуального жилища противоположна действующей в современной Москве технике изоляции или ступеньвания роскоши, которая особенно актуальна для «элитных домов» в районах массовой застройки. Архитекторы и проектировщики заботятся об этом не меньше, чем сами заказчики. Пример положительного отзыва о престижном здании, которое не выглядит вызывающим см.: *Мартин М. М.* Дом на Крылатских холмах // Архитектура и строительство Москвы. № 1, 1999.

рованный самой системой господства, распространяется из престижных кварталов и охватывает весь город, тушуясь, но не угасая окончательно на бедных окраинах. Комбинации спонтанно узнаваемых элементов сменяющих друг друга стилей: аристократической городской усадьбы XVII в. с высокой черной трапециевидной крышей и портиками оконных проемов; слегка неровной линии простых белых прямоугольников XVIII в. с рядами ставень-жалюзи; османовского уступчато-воздушного скругленного многогранника с обязательной ажурной решеткой балконов; постконструктивистской, с претензией на лаконичное изящество, этажерки-санатория 1960-70-х, — реализованы в пространстве города, через семейное сходство сообщая его улицам преемственность черт и оставляя у пешеходов ощущение спокойствия и одомашненности даже на удалении от центра, этого объективированного и стилизованного средоточия капиталов в престижных кварталах. То же относится к практикам непосредственного телесного присвоения городского пространства: на окраинах, хотя и в меньшем разнообразии, оно открыто на нескольких уровнях для созерцательного отдыха; господство стеклянных витрин размещает скользящий взгляд прохожего во внутренности магазинчиков; за пешеходом неизменно остается приоритет перед водителем машины; обоняния прохожего достигает легкий аромат отдушки, с которой промывают асфальт. Городское пространство сохраняет самотождественность, на всем своем протяжении поддерживая родственные *матрицы сопряжения* материализованных социальных структур и подстроенных к ним телесных навыков.

**Внешнее/внутреннее, прозрачное/непрозрачное:
границы и стремление к однородности**

Спокойствие, характеризующее Париж в глазах москвича, является результатом глубокой стилизации физического пространства, которая устанавливает «естественное» соответствие не только между физическим местом и социальной позицией его потребителя, но и между пространством улицы и внутренним пространством дома. В случае с окнами без занавесок, которые обеспечивают визуальный обмен и прозрачную непрерывность между улицей и жилищем в престижных кварталах, в Париже мы обнаруживаем иной, в сравнении с Москвой, способ распоряжения границами между внутренним и внешним. Хотя он не ограничивается визуальным контактом, он во многом обязан социальной замкнутости подпространств, которая превращает разглядывание в экономную и безопасную форму их сосуществования и взаимного самоопределения. Умелое предъявление внутреннего вовне, анонимной публике, не только объективирует социальную позицию в категориях вкуса и принадлежности, но и служит стратегией демаркации: как предъявляющая себя бедность, так и предъявляющая себя роскошь, отталкивают несоразмерное и притяги-

вают подобное¹⁶. Это в равной мере относится к структуре кварталов и пространственной организации мест публичного потребления. Например, в отличие от Москвы, в Париже все рестораны и кафе выставляют свои меню с ценами на тротуаре или размещают их на входной двери, классифицируя себя по кухне и ценовой категории, тем самым, представляя клиентам с улицы классифицировать в тех же категориях самих себя. Вместе с тем, кодекс продавца и официанта предполагает вежливую улыбку и, в целом, «манеры», которые тщательно отработаны и фиксированы в дорогих заведениях и почти угасают в непрестижном «Макдональдсе»¹⁷. Обязательное предъявление меню анонимной публике и обязательную дежурную улыбку связывает тонкое отношение подобия. И то, и другое определяет клиента к месту потребления: предъявляет заведение и заставляет прохожего сделать ответный выбор, вплоть до молчаливого отказа и ухода.

Другой, столь же привычной, а потому трудноуловимой формой распорядка границами является наличие в парижских домах внутреннего двора и/или его заменителя — дополнительного еще не домашнего, но уже не уличного коридора, ведущего к лестнице. Впрочем, внутренний двор — только одно из звеньев, нюансирующих оппозицию дома/улицы. Граница между ними смягчается постепенным переходом от внутреннего к внешнему, облегченным визуальной проницаемостью и неполной отграниченностью пространств: интимное пространство ванной¹⁸, спальня, комнаты, а затем гостиная, узкий коридор-прихожая, деревянная и часто старая (даже в престижных домах) дверь квартиры, общая витая лестница¹⁹, первая стеклянная дверь с кодовым замком, небольшой коридор и/или внутренний двор, вторая прозрачная дверь или деревянные ворота с кодовым замком, выход на одном уровне с тротуаром²⁰. Улица,

¹⁶ В качестве примера можно привести неуверенно-настороженную и одновременно завоороженную манеру держаться у черных подростков с окраин, приезжающих вечером в центр города (нередко в спортивных костюмах), в частности, на Елисейские поля, чтобы, стоя в стороне, смотреть на движение состоятельной, в большинстве своем изобретательно и роскошно одетой толпы туристов. Другой пример самоцензуры в отношении роскоши — нерешительность, охватывающая «простого» посетителя перед дверью шикарной антикварной лавки, где естественно себя чувствуют только те, кому эта роскошь непосредственно предназначена (*Пэнсон М., Пэнсон-Шаффо М.* Культура господствующих классов, указ. соч., с. 114-115).

¹⁷ В отличие от Москвы, где тот сохраняет статус, а, следовательно, кодекс заведения выше среднего.

¹⁸ Которая в многоквартирных квартирах редко расположена сразу у входа, как в московской застройке разных периодов и типов, но в глубине квартиры.

¹⁹ При подъеме по которой открывается вид на двери квартир, не утепленных, в отличие от Москвы, в лестничную площадку. Лестница, продолжающая внутренний двор или внешний коридор за прозрачной дверью, зачастую не разбивается о квартирный блок и, тем самым, поддерживает воздушную связь с улицей.

²⁰ Приведенная схема характеризует, прежде всего, структуру буржуазного дома, однако ее

по неокончательно разгороженным, прозрачным или открытым отсекам, плавно перетекает в дом. Нередко в парижской квартире не нужно менять уличную обувь, проходя во внутренние комнаты, обитатели остаются в уличной одежде и могут прилечь в ней на застланную кровать, что с точки зрения многих образованных обитателей московских квартир воспринимается как гигиеническая девиация²¹. Подобное нечеткое разграничение, записанное в телесные навыки, также смягчает оппозицию, обеспечивая эфемерную непрерывность между внешним и внутренним. В Москве цепь переходов короче и четче разделена, а телесно-гигиенический кодекс строже, поэтому граница домашнего/уличного пространства оказывается более жесткой. Между двумя внешними, почти всегда непрозрачными – деревянными или металлическими – дверями, одна из которых (или обе) снабжена кодовым замком, имеется только крохотный темный тамбур, квартирный блок также отграничен от общей лестницы металлической или деревянной, с матовым стеклом, дверью, наконец, металлическая дверь отделяет квартиру от общей площадки. То свободное, еще не внутреннее, но уже не внешнее пространство, которое в структуре парижского дома занимает внутренний двор, в московском перенесено на уровень лестничных площадок, образуя еще один порог на пути улицы и изолируя уже не весь дом, а группы квартир. Непроступность и непрозрачность разграничителей, отсутствие переходного внутреннего двора или коридора, нередко, приподнятость входной двери над тротуаром образуют две четкие зоны: защищаемая внутренняя/опасная внешняя²². При этом вторая – через повтор непроницаемых дверей – заново воспроизводится внутри уже как будто защищенного пространства, непрерывно отодвигая его вглубь. В целом, московский дом последовательно отделяется от улицы жесткими порогами, тогда как парижский – более мягкими и, по крайней мере, визуально проницаемыми.

Визуальная проницаемость, которая оставляет иллюзию возможного физического проникновения, выступает в обыденном восприятии гаран-

элементы и общий принцип не вполне отграниченных, частично открытых друг другу подпространств можно зафиксировать и в непрестижных жилищах.

²¹ Следует упомянуть также о множественной функции туалета, куда нередко проникают книжные полки, продолжаясь из комнат и межкомнатного коридора, в нем размещается верхняя одежда, складываются безделушки, вывешиваются те же фото или картинки в рамках, что и в прочих помещениях дома, на отдельную полку могут выкладываться комиксы. В отличие от туалета в московской квартире, где хранятся прежде всего гигиенические, сантехнические и стиральные принадлежности, в парижской квартире туалет – не *исключительное* место, а лишь более интимное продолжение нюансированной цепочки переходов.

²² В московских домах «улучшенной планировки» (например, в кирпичных домах у станции метро «Новые Черемушки») на первом этаже может располагаться большой холл с постом консьержки, кадками с цветами и деревцами, доской объявлений. Однако прямая связь с улицей, которую в парижском доме обеспечивает внутренний двор под открытым небом и стеклянные двери, отсутствует.

тией непрерывности улицы и внутреннего пространства, но также одной из фигур потребления: спонтанного визуального присвоения, которое при наличии средств конвертируется в физическое. Речь идет о витринах кафе и магазинов, которые в подавляющем большинстве случаев во всем Париже выполнены как сплошной стеклянный фасад. Отмечая непроизвольные телесные реакции прохожих или свои собственные, можно заметить, как открытое случайному взгляду, пронизываемое пространство потребления захватывает сначала этот взгляд, а затем и остальное тело, которое невольно assiste все более детальному разглядыванию. В Москве витрины встроены в непроницаемые поверхности, которые ограничивают праздный взгляд²³. Различие можно с легкостью приписать климату. Однако оно не сводится лишь к площади витрин. В Париже через витрину, даже если в ней представлен ассортимент магазина, нередко можно видеть происходящее внутри помещения; в Москве витрины зачастую устроены так, что полоски цветной пленки, выставленные предметы, а также непрозрачная задняя стенка визуальнo отгораживают помещение от улицы. Если в Париже потребление за витринами предстает не только в виде самого ассортимента, но и в процессе его покупки или поедания (в случае кафе), то в Москве нередко даже товар предъявлен опосредованно — через несколько отобранных из ассортимента вещей-делегатов или иконический знак. Иными словами, если в Париже прозрачная витрина — это прежде всего проекционный экран потребления, то в Москве — декоративная ширма. Такое различие уже нельзя объяснить московской холодной зимой. Разница в устройстве витрин, наряду с целым рядом параллельных черт, объективирует и утверждает такие схемы городской организации, которые превращают Москву и Париж в разные города, отличимые с первого взгляда и передающие через тело различные социальные порядки: открытое стекло через иллюзию спокойствия (свободно открытое хрупкое) и доступного проникновения вносят свой вклад в ощущение одомашненности парижских улиц; а непрозрачные витрины (скрадывание собственного свойства стекла) — в материальную основательность и подслеповатую размашистость улиц московских.

Высшей и непривычной для обыденного восприятия москвича формой устранения границ — вплоть до непосредственного физического контакта — в Париже оказывается организация летних террас кафе и ресторанов. Московские «по-европейски» устроенные террасы воспроизводят принцип деления, сближающийся с оппозицией дом/улица. Обыч-

²³ В Москве наибольшее сходство с парижскими улицами — общую геометрию фасадов, их сложный декор и сплошные витрины — можно наблюдать в районе Кузнецкого моста, т. е. в исторически «офрануженном» квартале, а также на северных и северо-западных окраинах центра (пр. Мира, Пресня), в течение последнего десятилетия стилизованных «по западным стандартам».

но основательная и непрозрачная, но в любом случае осязаемая перегородка из дерева или пластика (реже — металлические канатики или цепи) обозначает границу кафе/улица. При этом, расстояние между столиками и пустое место между линией столиков и перегородкой — около 1,2 м. в кафе на Арбате или в Камергерском переулке и, как представляется, характерное для Москвы в целом — повторяет в пространстве террасы основной принцип городской застройки. Место не экономится, и нерентабельная пустота усиливает границу, которую маркирует перегородка²⁴. Летний Париж заставляет предполагать, что сама стеклянная стена является вынужденной зимней заменой ее принципиального отсутствия. Своими летними террасами кафе²⁵ буквально выплескиваются на улицу, оказываясь под ногами прохожих: столики и стулья тесно громоздятся прямо на тротуарах, придвинутые друг к другу почти вплотную и никак не отделенные от течения улицы. Прохожие попадают с улицы в кафе, просто сменив вертикальную позу на сидячую, т. е. присев за столик на тротуаре, и, поджидая официанта, разглядывают течение толпы, от которой только что отделились. В свою очередь, продолжающие движение пешеходы могут в деталях рассмотреть клиентов и их заказы, услышать обрывки разговора и поймать на себе заинтересованный взгляд, случайно задеть рукой сидящего и обменяться с ним несколькими словами. Созерцательный отдых, условно отделенный от деловитого движения одним шагом, зеркально соответствует нестыдливому публичному предъявлению своей трапезы: и то, и другое протекает в пространстве взаимного разглядывания, неторопливого изнутри и лапидарного снаружи. Терраса еще сильнее смягчает переход между внутренним пространством кафе и улицей, оказываясь местом их слияния²⁶. Здесь кафе предстает публичным местом не столько в дискурсивном выражении *Öffentlichkeit*, сколько в виде динамической компоненты единого городского пространства, в котором предъявляет себя — с поправкой на социальную дифференциацию подпространств и расположенных в них кафе — население города.

²⁴ Такое распоряжение микропространством отвечает общему московскому восприятию красоты города через простор и размах, а плотности населенного пространства — скорее как некомфортной скученности, чем как интригующего соседства.

²⁵ Между кафе и ресторанами в Париже существует четкое различие, которое основано на ассортименте и соответствует оппозиции «перекусить/пообедать». Но здесь для краткости для всех заведений употребляется слово «кафе».

²⁶ Переходную функцию террасы подтверждает то, что осенью окна витрины лишь сдвигают, но не утепляют, и из щелей между ее секциями или от самих стекол посетителей обдает холодный сквозняк. И сегодня знакомая нам замазка между двойными рамами окна, которая среди прочих несуразностей приковывает внимание Беньямина в московской гостинице (*Беньямин В. Московский дневник* /Пер. с нем. С. Ромашко под ред. М. Рыклина. М.: Ad Marginem, 1997. С. 58) — средство, неприемлемое в парижской схеме заботы о границах.

В этом пространстве взаимного созерцания, где всякий, оставаясь анонимным клиентом и созерцателем, сам становится объектом спонтанной социальной оценки, действенны свои стратегии ускользания от прозрачности. Одна из наиболее заметных — это чтение в кафе. Если в Москве преимущественным неспециализированным местом чтения на публике является вагон метро, который расположением диванов вынуждает пассажиров в упор разглядывать друг друга и, соответственно, искать способа отгородиться «от этих рож напротив», то в Париже в метро читают редко, чему способствует и теснота ячеек вагона, и более тесная связь практики чтения с размеренным досугом. Однако в кафе²⁷, в ожидании заказа или за напитком, в особенности если посетитель один, он раскрывает газету или книгу, которыми отгораживается если не от оценивающих взглядов, то от необходимости постоянно пребывать в этом калейдоскопе самопредъявлений. Чтение в московском кафе столь же нетипично, как в парижском метро²⁸. Это объясняется тем, что посещение кафе в Москве центрировано прежде всего на приеме пищи, тогда как в Париже в эту интенцию почти всегда встраиваются коммуникативные мотивы, которые ее переопределяют. «Пообедать вместе» — значит прежде всего поговорить о профессиональных делах и обменяться разнообразными квалифицирующими суждениями, включая неизменное обсуждение заказанных блюд, обстановки и посетителей, других кафе и кулинарных традиций. Детализированное обсуждение пищи во время ее приема является еще одним способом сгладить границу — между физиологическим актом и актом социальной консолидации.

Фиксируя относительную проницаемость границ повсюду в пространстве Парижа, можно предположить, что этот принцип лежит в самой основе городской организации и выходит за рамки социальных различий, точно так же, как жесткость границы внутреннего/внешнего одинаково действенна во всех подпространствах Москвы. Отчасти это так — схожее определение границ можно обнаружить во всех районах города. Однако неверно было бы думать, что оно не имеет социальной локализации. Как мы уже отмечали, визуальная проницаемость — атрибут прежде всего

²⁷ В данном случае речь идет именно о кафе — чтение в ресторане, где обедают обычно компаниями, практикуется крайне редко.

²⁸ Зеркальная привязка ряда практик к оппозиции кафе/метро в Москве и Париже могла бы стать предметом самостоятельного анализа. Помимо защитного использования книги в каждом из двух мест, следует упомянуть о том, что встречи в Москве нередко назначаются на станции метро, и почти никогда в Париже («это в принципе возможно, но странно»), но сразу в кафе, топографией которых парижанин должен владеть не хуже, чем москвич — топогией метро. Кроме того, по степени освоенности и обыденному использованию (чтобы не готовить дома) парижские кафе приближаются к постоянным поездкам в метро — в отличие от Москвы, где посещение кафе во многом остается событием по специальному поводу, т. е. в стороне от рутинного ритма.

спокойного буржуазного порядка присвоения пространства: мест обитания, потребления, но также производства и наказания, о чем недвусмысленно свидетельствуют анализы Фуко, датирующего новые механизмы контроля эпохой Просвещения. Своей повсеместностью прозрачность обязана длительной работе по превращению форм присвоения пространства господствующими в господствующие формы его присвоения²⁹. Прозрачность распределена в пространстве города неравномерно и доминирует, все же, в его престижных кварталах: дорогих ресторанах и магазинах, деловых зданиях, элитных домах, — достигая апогея в центрах престижного потребления, где стекло, как самый прозрачный материал, уступает место воздуху, как видимому отсутствию всякой границы. Так, концентрическая структура дорогих магазинов-галерей «Les Galeries Lafayette», «Printemps» и «Samaritain», с обширным открытым центром и расположенными на круговых ярусах магазинчиками являет собой образец обозримости, по своей структуре приближающейся к храму, с его воздушным столбом под куполом и изображением пантеона, занимающим всю видимую поверхность. Прозрачность и иллюзия полного устранения границ — продукт господствующего буржуазного взгляда. В пространство Москвы эта связь вписана уже не столь отчетливо, как в Париже, где она так же естественна, как незаметна. Рестораны на Тверской или магазины в Манеже со сплошными стеклянными витринами спонтанно квалифицируются как «западные» или устроенные «по западному образцу», а посещение их состоятельной публикой относится на счет цен. Между тем, буржуазное является «западным», поскольку именно способ присвоения пространства, характерный для крупной буржуазии Западных обществ, является сегодня господствующим и, будучи обеспечен международным балансом сил и перенесен из центров его производства как престижный и «самый современный», вносит осязаемый вклад в организацию присвоенного пространства в Москве и других столицах.

**Вдоль/поперек, погруженный/окаймленный:
геометрия присвоенного пространства**

Буржуазный дом являет собой место пересечения различных социальных порядков: его пространство, помимо состоятельных и образованных обитателей, осваивают также неквалифицированная консьержка,

²⁹ В данном обобщении мы опираемся на убедительное развитие исходно марксистского тезиса в работах Барта и Бурдьё. О неизбежности «брать взаймы у буржуазии» и о присвоении подвластными культуры господствующих см.: *Барт Р.* Мифологии /Пер. с фр. Б. П. Нарумова// *Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика /Сост. и ред. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1994. С. 105-111; *Bourdieu P.* La Distinction. Critique sociale du jugement. Paris: Minuit, 1979. P. 448-461.

уборщицы-иммигрантки и жильцы маленьких недорогих квартир. Однако и здесь социальное разнообразие принимает форму пространственной специализации. Привилегированным местом консьержки является внутренний двор и лестница, уборщицам принадлежат коридоры и лишь на короткое время они распоряжаются внутренним пространством больших квартир, обитатели маленьких квартир поднимаются к себе на верхние этажи по отдельной лестнице, которая при Старом порядке была отведена прислуге, равно как и комнаты, которые сегодня переделаны в маленькие квартиры и сдаются. В отличие от Москвы, в Париже наряду с горизонтальной оппозицией престижного центра/непрестижных окраин сохраняется вертикальная иерархия больших квартир/квартирок под крышей. В рамках формального соседства воспроизводится четкая социальная дифференциация, позволяя различным социальным позициям почти не соприкасаться, сообщаясь лишь визуально и, в крайнем случае, — через остаточные бытовые следы (уже непреднамеренные и нежелательные и, прежде всего, ведущие из маленьких квартирок в буржуазные апартаменты): проникающие сквозь стены звуки коллективного веселья, факт приезда полиции³⁰, запах пищи, а также звук шагов, который может доноситься с черной лестницы через неиспользуемую дверь в кухне или в коридоре, прежде предназначенную для прислуги и поставщиков продуктов. Взаимное физическое проникновение крайне редко, происходит по особым поводам и лишь укрепляет специализацию подпространств: каждая из категорий обитателей занимает в доме свое «естественное место», столь же ясно очерченное, как в пространстве города в целом. В городе, представляющем обыденному восприятию парижанина из средних слоев, есть «шикарные кварталы», а есть кварталы, «где лучше не появляться, особенно одному и вечером». Своя карта полюсов исключения имеется у каждой социальной позиции. Будучи одновременно объектом любопытства, рано или поздно эти полюса могут стать объектом осторожных экскурсий: обитатели престижных кварталов оказываются на севере Парижа, жители черных окраин — на главных туристических улицах, а обладатели средних доходов могут посетить распродажу в шикарном магазине, порог которого они обычно просто не решаются переступить, зная, что этот магазин «не для них». Такие осторожные проникновения в чужое пространство подчеркивают «естественность» своего.

Что отличает бедные районы от престижных? Отсутствие зеркал и ковровых дорожек в подъездах, меньшая архитектурная изощренность, более дешевая и «простая» одежда прохожих, нередко цвет их кожи, большая замусоренность тротуаров³¹. Однако помимо этого полярные по сво-

³⁰ Pinçon M., Pinçon-Charlot M. Dans les beaux quartiers, op. cit., p. 85-87.

³¹ Чистота/грязь является одной из основных оппозиций, характеризующих место по его социальной принадлежности. Эта оппозиция соотносима с богатым/бедным, но также

ей социальной принадлежности кварталы отличает характеристика пешего движения. В престижных кварталах перемещения не только более размеренны, но и следуют геометрии, намеченной разделением тротуара/проезжей, зоной у подъезда дома/проходной зоной. Это по преимуществу перемещения вдоль функциональных границ. Соблюдение линий разметки в равной мере характеризует представительские улицы Парижа и Москвы. На другом полюсе социально-физического пространства, например, в северных кварталах Парижа, населенных преимущественно выходцами из Африки и арабских стран, но также и на одной из центральных улиц (Сен-Дени), где наблюдается приблизительно тот же состав населения, траектории перемещений приближаются к поперечным, нарушающим геометрические предписания улицы. Граница между проезжей и пешеходной зонами почти растворяется в непрерывных пересечениях улицы поперек, торговцы выглядывают в двери своих лавок и рассматривают прохожих, даже движение вперед происходит зигзагами, жители улицы останавливаются у входов в здания и на внешней кромке тротуара, и это уже не созерцательный туристический отдых в центре города, а заинтересованное и внимательное вглядывание (немалую долю сидящих наблюдателей составляют пожилые мужчины).

В Москве вокруг станций метро на восточных и, в меньшей степени, северных окраинах можно наблюдать схожую картину. Еще явственнее она выражена на оптовых рынках, когда выплескивающаяся за ограду активность может даже блокировать дорожное движение. Но в целом, улицы расчерчивают пространство ясными линиями принудительной для тела геометрии. Отказ следовать им не характерен для целых кварталов и имеет более точечную локализацию. С одной стороны, это объясняется описанной нами жесткостью деления внутреннего/внешнего, включая разрыв тротуара/проезжей части, который поддерживается обыденным приоритетом водителя машины над пешеходом: он нарушает непрерывность движения по тротуару, разбивая его на фрагменты и заставляя самого пешехода, озабоченного своей телесной безопасностью, поддерживать границу. В отличие от Москвы, в Париже устойчиво поддерживается обратный приоритет, а значит, меньшая прерывистость пеших перемещений. С другой стороны, население непрестижных районов Москвы в подавляющем большинстве прошло обучение в городской средней школе, т. е. принуждение к местному гражданскому порядку, тогда как среди жителей северных парижских окраин немало недавних иммигрантов. Решающий характер этих факторов подтверждается историческим

со столичным/провинциальным. Не случайно Беньямин, в своем дневнике неоднократно характеризовавший Москву середины 1920-х как провинциальное пространство, по возвращении в Берлин тут же отмечает его излишнюю чистоту и комфортабельность (*Беньямин В. Московский дневник*, указ. соч., с. 160).

сравнением. В 1920-х гг. В. Беньямин, посетивший Москву, наблюдает в городе картину, какую сегодня представляют собой северные парижские окраины: грязь, узкие тротуары, «люди ходят какими-то зигзагами»³². Эти наблюдения перекликаются с рядом замечаний В. А. Гиляровского, относящихся примерно к тому же периоду. То же можно заключить по фотографиям начала XX в., где движение по улицам Москвы лишено геометрического порядка, который присутствует в них сегодня: улицы еще не имеют четкой границы между пешеходной и проезжей частями, заполнены повозками и пестрой толпой, которая, судя по положению, запечатленному на снимках, движется в самых разных направлениях³³. Иными словами, рационализация уличных перемещений — повсеместное внедрение матрицы, которая связывает уличную геометрию с четкой телесной дисциплиной — является недавним изобретением, которое неодинаково усвоено на разных уровнях социальной иерархии и при переходе к низшим позициям требует дополнительных педагогических усилий.

Однако если в Москве господствует продольная, т. е. современная городская схема уличных перемещений, то геометрия застройки, о чем мы уже упоминали, сохраняет черты усадебной организации, с ее неполным присвоением пространства городской инфраструктурой. В Париже главенствует принцип единой линии, когда здания ориентированы вдоль основной магистрали и выходят на нее фасадами. Если здания повернуты по отношению к этой линии, то поворот обычно незначителен и так же сглажен, как архитектурные формы самого здания. В Москве единая линия сохраняется только на главных проспектах и в районах плотной исторической застройки. За их пределами и, прежде всего в районах массовой застройки, здания расположены под разными углами, а ряд типовых моделей имеет, к тому же, ломаный контур, который никак не оправдан экономией места, учитывая расстояние между зданиями и площадь зеленых зон. Здесь базовая схема и одновременно ориентир — это здание, «утопающее в зелени», т. е. инвариант дома с приусадебным участком, который в Париже почти полностью срезан в пользу рентабельной застройки «стена к стене», имеется только в престижных кварталах и только в уменьшенном масштабе. В Париже участок при доме отчасти заменяется внутренним двором, отчасти — общественными аллеями и частными парками. Посад-

³² Беньямин В. Московский дневник, указ. соч., с. 25, 45, 70, 94.

³³ Вот динамическое развитие таких фото: «Пешеходы с трудом пробираются между автомобилями и строптивыми жеребцами» (Беньямин В. Московский дневник, указ. соч., с. 94). Оно перекликается со свидетельством Гиляровского: «В конце прошлого века о правилах уличного движения в столице и понятия не имели: ни правой, ни левой стороны не признавали, ехали — кто как хотел, сцеплялись, кувыркались...» (Гиляровский В. А. Москва и москвичи, указ. соч., с. 184). И к этому же — проезд повозок ассенизаторов и их расплесканные бочки прямо перед фасадом городской власти, генерал-губернаторским домом на Тверской (там же, с. 185).

ки деревьев и зеленые зоны не охватывают застройку широким поясом, как это происходит в Москве, но лишь подчеркивают основную геометрию улиц тонкой линией: например, деревья высажены обычно в один прореженный ряд, редко — в два. В современной Москве парадоксальное воспроизведение усадебной схемы застройки можно объяснить трансформациями 1930-х гг., которые накладывались поверх имевшейся пространственной структуры. Так, широкие асфальтированные аллеи стали результатом «коллективизации» деревьев из частных палисадников и отгороженных пустырей³⁴, немалая часть зданий XIX в., с окружавшими их земельными участками, была сохранена, а последующая застройка велась с учетом санитарных требований и при постоянном расширении городской черты. Такая политика собственника-монополиста городской земли, не озабоченного вопросом ренты, оставила в силе принцип, свойственный пространственной организации в условиях множества изолированных крупных собственников. В результате, сегодня в Париже деревья окаймляют улицы, а в Москве здания погружены в зелень.

В целом, распоряжение земельным участком, на котором строится здание, определяет место природы, вернее, не-города, в городском пространстве и одновременно — телесные навыки в его использовании³⁵. Показательной в этом отношении формой является городской парк, который остается привилегированным местом спокойного отдыха, спортивных пробежек и детских прогулок. В Париже почти все парки функционируют как городские учреждения: они имеют регулярную структуру, воспроизводят рациональную геометрию города, обнесены оградой и запираются на ночь. Даже Булонский лес, который парижанами воспринимается как настоящий, в действительности является обширным английским парком, густо (уже по схеме парка французского) прошитым пешеходными дорожками, а также автодорогами со светофорами на переходах и сервисной сетью. Идеология овладения природой, заложенная в схеме французского парка, упорядочивает возможные практики досуга: здесь нет заброшенных углов, разваливающихся построек, зарослей бурьяна, которые были бы доступны для частного и несанкционированного освоения. Отдых в парке, на этой подчиненной городу природе, скрывается от взглядов в значительно меньшей мере, чем в Москве. Он имеет кодифицированный и публичный характер, подобно обеду в кафе или ресторане. В Москве, наряду с компактными парками, которые, впрочем, редко приближаются по

³⁴ Гильяровский В. А. Москва и москвичи, с. 367-368.

³⁵ Принцип застройки изоморфен внегородской схеме присвоения пространства. Принцип рентабельности, который отражается в плотности застройки, прослеживается и за пределами города. Если взглянуть на территорию Франции с воздуха, можно убедиться в незначительной площади лесов: большая часть равнинной земли поделена на аккуратные сегменты и распаханна. Обработанные участки так же прилегают друг к другу границами, как здания — стенами.

степени упорядоченности к французскому, имеются, с одной стороны, лесные массивы с нерегулярной структурой, с другой, дворовые площадки, где совмещаются слабо геометризованные посадки, лавочки со столиками, детский комплекс с обязательными песочницей и качелями, наконец, спортивные снаряды, в частности, турник. В отличие от парижского парка, московский двор не предполагает прогулки по ясно прочерченным дорожкам. Кроме того, его организация предполагает не сквозное разглядывание, но, прежде всего, локализованный телесный контакт: посиделки с пивом, дворовую гимнастику, мойку автомашины, уединение в «дальних углах», курение тайком в компании сверстников. Подобное соединение природы с городской инфраструктурой — это не примирение пространств улицы и дома, но, прежде всего, аналогичное приусадебному, функционально не дифференцированное присвоение места для подсобных нужд, телесной активности и не регламентированной публичным кодексом коммуникации. Это продукт незавершенной — с точки зрения доходности и прозрачности — рационализации.

Принцип допуска неупорядоченного не-города в городское пространство Москвы, который оставляет незавершенной или деформирует его рациональную геометрию, можно наблюдать в разнообразии форм. К их списку можно добавить оборудование собачьих площадок для спортивной подготовки крупных пород и, в результате, поведение собак в городском пространстве, которое спонтанно квалифицируется как «менее домашнее», чем в Париже, где, к тому же, преобладают — особенно в буржуазных кварталах — мелкие породы. Это пространственная организация ведущих из Москвы железных дорог, которые присваивают обширные площади вдоль полотна своей рассеянной инфраструктурой, «утопают в зелени», подобно дворам, и, в целом, скорее впускают сельское пространство в город, чем навязывают городскую организацию за пределами города. Это незамкнутые и недостроенные ограды и заборы, отграничивающие стройки, наземные пути метро и автомагистрали от пешеходной части. Одновременное наличие здесь жесткой границы и ее незамкнутость представляются особенно показательными: пустота, проникающая в рационализированный порядок пространства, занимает место оставленной «как есть» природы, которое по умолчанию зарезервировано для нее в городской структуре. Иначе говоря, схема неполной рационализации воспроизводится даже вне прямого соотнесения с зелеными зонами, став способом рутинного и само собой разумеющегося восприятия города. Тот же принцип запечатлен и в предполагаемой городским пространством экономике телесных усилий. Речь идет о широких улицах новой застройки, расстояниях между зданиями, но также о невозможности свободного пересечения функциональных границ, которые материализованы в форме физических порогов: подземных переходов, металлических оград, мостов, траншей, вынесенных наружу труб и т. д. Именно в центре города, с

его событийной и пространственной концентрацией, неэкономные траты на преодоление этих порогов наиболее ощутимы. Так, чтобы сменить сторону на улицах Садового кольца, нужно воспользоваться подземными переходами, расположенными порой на расстоянии до 500 метров друг от друга. То же касается мостов, которые вынесены далеко за линию берега, и чтобы взойти на них и снова спуститься на тротуар набережной, нередко требуется длинный обход, связывающий их разнесенные концы. Разомкнутая геометрия города, упорядочивая телесные перемещения, требует регулярных затрат на покрытие ее слабо состыкованных плоскостей. В свою очередь, систематические телесные усилия, необходимые для освоения незавершенной геометрии московских улиц, в конечном счете, превращают ее в слепое пятно обыденного восприятия.

Можно ли на этом основании заключить, что Москва не является городом, где господствует буржуазный способ присвоения пространства? Нет, нельзя. В советский период буржуазное господство присутствовало в пространстве Москвы как невидимый, переписанный поверху нижний слой, а сегодня снова принимает все более осязаемые формы, в том числе через возврат к прямому огораживанию. Однако, как и в досоветский период, сегодня господствует не рациональная, наследующая Просвещению буржуазия, для которой естественной была бы схематика прозрачности и геометрического порядка, одновременно рентабельного и рационального. Современная московская буржуазия встраивается в готовое городское пространство и становится носителем обыденного взгляда, который обязан таким матрицам сопряжения между материализованными структурами города и телесными навыками, которые остаются близкими к способам присвоения пространства помещным дворянством XIX в. «Своеобразие» новой геометрии города, вводимой в последние десять лет, неявно содержит ту же основополагающую схему, которая молча отстаивает себя под перенесенными на ее поверхность элементами «западного опыта».